

СУДЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА в КАМБОДЖЕ: ЭТАПЫ, ИТОГИ и ПЕРСПЕКТИВЫ

В мае 2018 г. исполняется 25 лет с момента образования нового государства – Королевства Камбоджа. Четверть века тому назад политические элиты, участвовавшие в процессе национального примирения, договорились об основных принципах восстановления мира в стране, которые в первую очередь подразумевали внедрение демократических норм и институтов в политическую практику страны. Современные политические процессы в Камбодже свидетельствуют о том, что данная задача пока далека от завершения.

Демократизация политического строя, начавшаяся в Камбодже в 1990-е гг., инициировалась международным сообществом и осуществлялась при его самом активном, в том числе ресурсном, участии. Реформы начались в условиях острейшего, затянувшегося на десятилетие кризиса власти, глубочайшего социально-экономического упадка и преобладания в массовом сознании населения традиционных норм политической культуры. Хотя демократизация была фактически навязана извне политическим элитам страны, они достаточно охотно пошли на нее. Главным мотивом подобной готовности было желание образовать государство, признанное мировым сообществом, и получить международную помощь, столь необходимую для его функционирования.

Что же касается имплементации принципов либеральной демократии, то элиты исходили из того, что при необходимости они могут исказить демократические стандарты в своих интересах, взяв то, что им нужно. В результате процесс демократизации приобрел неоднозначный характер, он оказался противоречивее, сложнее и многообразнее, чем предсказывали политологи. В целом, весь прошедший исторический период можно условно разделить на три этапа.

Первый этап охватил десятилетие 1993-2003 гг. Он характеризовался началом институализации демократических норм и институтов в Камбодже. В 1990-е гг. страна присоединилась к международным конвенциям о правах человека и основных свободах, о правах женщин и детей, она вошла в Межпарламентский союз и

присоединилась к декларации Союза «О критериях честных и справедливых выборов». В 1993, 1998 и 2003 гг. проводились всеобщие выборы, которые носили в целом состязательный характер. В них принимало участие несколько десятков партий, хотя основная борьбы велась между Народной партией Камбоджи (НПК) во главе с Хун Сеном и ФУНСИНПЕК во главе с принцем Ранаритом. Все это, независимо от качества самих выборов, обусловило определенный плюрализм избирательного процесса¹.

Выборы формально создали новые каналы и механизмы формирования правящих элит на конкурентной электоральной основе. Однако на практике они не привели к какому-либо реальному обновлению правящего класса. Напротив, именно выборы помогли партии Хун Сена встроиться в новую политическую систему в качестве легитимного участника политического процесса. Проигравшие на выборах в 1993 г. представители НПК сумели кооптироваться во власть наряду с победителями – ФУНСИНПЕК – в рамках коалиционной формы правления, удержав при этом свой главный ресурс – монопольный контроль над провинциальной администрацией и подчиненными ей местными структурами, которые обеспечивали им консервацию системы патронажа на низовом уровне. Сохранение неустойчивости многопартийной системы, которая выражалась в дроблении оппозиционных партий и создании новых, организационно и финансово слабых партийных структур, объективно благоприятствовало дальнейшему успеху НПК.

На последующих выборах в 1998 и 2003 гг. НПК побеждала, набирая от 41 до 47% голосов, что позволяло ей сохраняться во власти. Хотя свыше половины избирателей голосовали за другие партии, в отсутствие консолидированной оппозиции, которая была представлена уже двумя партиями – ФУНСИНПЕК и Партией Сам Ронгси (ПСР), разрыв между НПК и ее ближайшем соперником из оппозиции составлял не менее 25%. Фактически в эти годы в стране сформировался режим ограниченной политической конкуренции, суть которого состояла в том, что при наличии плюралистической партийной системы оппозиция, добившаяся легитимности в глазах общества, укоренившаяся в социуме и располагавшая определенной инфраструктурой, все же была недостаточно сильна, чтобы вести реальную борьбу за власть, и поэтому правящий режим мог не опасаться непредсказуемого исхода голосования и прихода к власти его политических конкурентов.

В этот период в политической практике закрепились особая форма (сохранившаяся и по сей день) допущения во власть представителей лояльного правящей верхушке оппозиционного сегмента – не за счет перераспределения в его пользу части властных полномочий, а путем значительного увеличения численности официальных и неофициальных высших должностей, что, в свою очередь, привело к чрезмерному возрастанию рядов правящей элиты.

Уже через короткое время стало очевидным, что две ведущие политические партии страны – НПК и ФУНСИНПЕК – отнюдь не являются поборниками либерально-демократических ценностей. Каждая из них старалась в первую очередь укрепить свои позиции, прибегая к глубоко укоренившимся в массовом сознании населения нормам традиционной политической культуры. Так, и НПК и ФУНСИНПЕК стремились расширить свои патронажно-клиентельные связи и превратить их в структурообразующий элемент общества, опереться на харизматического лидера и сохранить патерналистский характер власти, а также законсервировать практику несоблюдения закона со стороны политических элит.

Особенно преуспела в создании разветвленной сети патронажа НПК, которая использовала в своих интересах благоприятные условия экономической либерализации, предоставив возможность партийным и государственным функционерам распоряжаться природными, бюджетными и административными ресурсами в обмен на политическую лояльность. Это обеспечило консолидацию вокруг НПК всех звеньев государственного аппарата, армейских структур, а также зарождавшегося частного бизнеса. Фактически сформировалась разновидность «элитного» патронажа, когда бизнес и власть связывали особые отношения. Этот тип отношений был в высшей степени персонифицирован, держался исключительно на личных договоренностях и обязательствах и не предполагал никакой публичности.

Укрепление государственного аппарата на базе патронажных отношений под эгидой НПК позволяло ей оказывать серьезное экономическое давление на избирателей в сельской местности, где и проживала основная часть населения страны. Неспособность ФУНСИНПЕК создать столь же разветвленные сети патронажа стала одним из факторов её последующей маргинализации.

Третья по политическому влиянию в стране Партия Сам Ронгси, ставшая главным пропагандистом либерально-

демократических принципов, также вносила в политический процесс негативные элементы, связанные с тем, что сделала идеи «этнического национализма» главным орудием политической мобилизации своих сторонников.

Хотя уровень политического насилия в стране в целом существенно снизился, но отдельные акты насилия в отношении оппозиции все еще имели место².

Однако, несмотря на все это, надо признать, что в 1993–2003 гг. во многом благодаря давлению со стороны Запада в Камбодже произошли серьезные позитивные изменения и стали формироваться ростки гражданского общества. Они нашли выражение в активной деятельности неправительственных организаций, как местных, так и международных, в том числе и правозащитных, в зарождении профсоюзного движения, в протестных выступлениях граждан в постэлекторальный период и др. На рубеже веков в мировом рейтинге свободы прессы Камбоджа входила в категорию стран с относительно свободной прессой.

Таким образом, на первом цикле политического развития Королевству Камбоджа в результате прямого вмешательства ООН и последующего мощного давления со стороны стран-доноров удалось отойти от авторитарной модели развития, внедрить базовые демократические институты и некоторые демократические практики. Однако все они носили пока крайне неустойчивый характер, испытывали серьезное воздействие традиционной политической культуры и нередко являлись орудием манипулирования правящей политической элиты, которая то «расширяла», то «сужала» демократическое поле в зависимости от потребностей текущего политического момента.

Второй этап, охвативший 2004-2013 гг., характеризовался доминированием НПК на базе осуществления т.н. «двухтрековой политики», подразумевавшей формальную демократизацию и одновременную ретрадиционализацию политического пространства.

Фактически в течение целого десятилетия 2004–2013 гг. Камбоджа по Индексу демократии (Democracy Index) устойчиво входила в категорию стран с так называемыми «гибридными режимами», для которых характерна эклектичность политического пространства, что подразумевает сочетание авторитарных и демократических составляющих в политическом процессе, наличие формального набора демократических институтов, но отсутствие полноценно функционирующей демократии.

В эти годы в Камбодже утвердилась модель доминантно-партийного правления в рамках формально плюралистической политической системы. С 2006 г. все три ветви власти (законодательная, исполнительная и судебная) возглавлялись представителями НПК, которая в Парламенте и Сенате имела 2/3 депутатских мандатов, а в органах местного самоуправления – более 70% мест.

Политическое доминирование НПК вполне достоверно отражало политические настроения и симпатии населения, которые царили в тот период в обществе. Как показывали опросы, ежегодно проводившиеся американскими социологическими службами в Камбодже, в 2008–2011 гг., 80% населения считало, что страна под руководством НПК «движется в правильном направлении»³, 67% камбоджийцев заявляло о своей безусловной поддержке НПК⁴.

Столь высокий уровень доверия к НПК был во многом основан на позитивной мотивации. К числу положительных факторов камбоджийцы относили политическую стабильность и успехи в экономической сфере. Так, в 2000–2008 гг. рост ВВП держался на уровне 9%. В 2009–2012 гг. он составлял 7% – один из самых высоких среди стран ЮВА⁵. По оценкам АзБР и МВФ, страна существенно продвинулась в осуществлении системных экономических реформ, в развитии инфраструктуры, реструктуризации банковской системы, в диверсификации аграрного сектора, создании более транспарентной среды для ведения бизнеса и улучшении работы государственных служб⁶. Высокие макроэкономические показатели позволили Камбодже снизить порог бедности с 47% в 1993 г. до 20% в 2013г. и перейти в категорию стран со средним уровнем ИЧР⁷.

Важнейшим фактором маргинализации политических конкурентов НПК и консолидации ее власти являлось умелое выстраивание партией «двухтрековой» стратегии, которая стала активно претворяться в жизнь с начала 2000-х гг. Она подразумевала одновременное движение в двух разных направлениях. С одной стороны, правящая элита не только сохраняла достигнутый уровень демократичности (как институтов, так и процедур), но и несколько его углубляла. Свидетельством этого стала реформа по децентрализации власти и работа Международного трибунала над «красными кхмерами» – важнейшего механизма правосудия переходного периода. С другой стороны, власти целенаправленно культивировали методы и нормы

традиционной политической культуры (патронажа, патернализма, иерархизма и др.), а также восстанавливали ее внешнюю символику (систему титулов и ритуалов).

Успеху «двухтрековой» стратегии отчасти способствовал и международный контекст. Страны-доноры, участвовавшие в возрождении Камбоджи, с начала 2000-х гг. в условиях общемирового спада демократической волны стали отдавать приоритет системным социально-экономическим реформам в условиях политической стабильности, уделяя меньше внимания углублению процесса демократизации⁸. Строгое следование рекомендациям МВФ и Мирового банка по реформированию экономики обеспечивало властям Камбоджи солидную международную помощь.

Ключевым направлением по ретрадиционализации политического пространства стало дальнейшее укрепление разветвленной сети неформальных патронажных отношений, превратившихся в тот период в один из важнейших структурообразующих элементов камбоджийского общества. Прикрываясь фасадом легальных, теперь уже демократических институтов, эти отношения в значительной мере обеспечивали победу НПК на выборах и способствовали в дальнейшем ее превращению в политического гегемона.

По мере укрепления власти НПК в 2004–2013 гг. система «элитного» патронажа существенно трансформировалась, превратившись в систему «массового» патронажа⁹. Отныне часть денежных средств, собираемых партийными боссами из различных источников, стала перераспределяться в пользу рядовых граждан, в частности, направляться на развитие различных объектов инфраструктуры. Всем новостройкам присваивалось имя премьера. В результате у руководства НПК накапливался впечатляющий список конкретных дел по «обустройству» страны. Столь щедрая забота о гражданах напрямую увязывалась с итогами всеобщих выборов, которые бы устраивали власть.

Важным шагом по цементированию патронажных отношений стало учреждение системы наград за крупные суммы благотворительных взносов, которая существенно повышала социальный статус дарителей и придавала самой благотворительности большую публичность¹⁰.

Таким образом, патернализм, как базисное основание стратегии НПК, реализовывавшийся в категориях пожертвования и

дарения массам от правящих элит, оставался устойчивым поведенческим стереотипом, продолжавшим пронизывать современную политическую культуру кхмеров.

Важнейшей составляющей двухтрековой стратегии стало «конструирование» харизмы Хун Сена с использованием традиционных норм и правил политического поведения, что позволило премьеру превратиться в политика номер один и обеспечить главенство исполнительной ветви в структуре политической власти.

Стиль руководства и манера поведения Хун Сена как публичного политика привели к гипертрофированной персонификации политического процесса, проявившейся, в первую очередь, в превознесении личных заслуг Хун Сена во всех сферах государственного строительства. Этому способствовало насаждение в массах через СМИ идеи отсутствия альтернативы Хун Сену и, как следствие этого, опасности возникновения в случае его ухода вакуума власти, чреватого негативными для страны последствиями – утратой политической стабильности, снижением темпов экономического роста и уровня жизни.

Знаковым событием в процессе оформления политического доминирования НПК и лично Хун Сена стало отречение в 2004 г. от престола короля Н. Сианука. Общественная значимость института монархии в 1993-2004 гг. определялась неординарностью личности Н. Сианука и безусловным признанием нацией его заслуг как «отца независимости и национального примирения». Н. Сианук являлся одним из основных неформальных «центров силы». В период острой конфронтации между правящей и оппозиционными партиями, возникавшей после каждых парламентских выборов, Н. Сианук выполнял роль арбитра, стоявшего над политическими элитами, и предлагал приемлемый для всех выход из политического тупика. Сменивший Н.Сианука на троне король Н. Сиамони, не обладает столь высоким моральным авторитетом и достаточным политическим опытом, и в результате серьезно проигрывает в сравнении со своим отцом. Королевская семья очень разобщена, она не имеет столь прочных связей с бизнес-элитой, как правящая партия. Все это, не затрагивая стабильности самого института монархии, вело к постепенному превращению монарха в чисто церемониальную фигуру. Кончина Н.Сианука в 2012 г. еще больше изменила конфигурацию политического пространства страны. Хун Сен начал «играть на роялистском поле», позиционируя себя как

защитника трона, что привело к дальнейшей маргинализации роли Н.Сиамони, которого все больше воспринимали как несамостоятельную политическую фигуру. Это способствовало росту общественной критики в адрес короля.

В этот период Хун Сен серьезно укрепил позиции своих сыновей – профессиональных военных в высших армейских структурах, а также начал постепенно подключать сыновей к политической деятельности.

Параллельно консолидации власти в руках семьи Хун Сена и усилению авторитарного стиля его руководства, в стране продолжался процесс демократизации. Важным показателем этого являлась деятельность оппозиционных партий. Системная оппозиция, представленная двумя партиями – Партией Сам Рэнси (ПСР) и Партией прав человека (ППЧ), предпринимали серьезные усилия по консолидации своих сторонников и создали в 2012 г. единую Партию национального спасения Камбоджи (ПНСК), главная задача которой в ближайшей перспективе состояла в подготовке к парламентским выборам 2013 г.

Несмотря на возросшую политическую зрелость оппозиции и успехи, достигнутые ею по укреплению партийной инфраструктуры и расширению социальной базы, сохранялись серьезные объективные ограничители ее деятельности. Среди них:

1. Слабая финансовая база, которая в основном формировалась из добровольных пожертвований представителей кхмерской зарубежной диаспоры.

2. Убежденность в необходимости постоянной помощи Запада в демократизации Камбоджи. Сдерживание авторитарных тенденций власти Хун Сена ПНСК напрямую увязывала с оказанием различных форм давления на премьера со стороны мирового сообщества. Однако подобные взгляды всегда уязвимы с точки зрения «патриотической» составляющей, оппозицию можно легко обвинить в предательстве национальных интересов, в подстрекательстве к вмешательству внешних сил во внутренние дела Камбоджи. К тому же весь предыдущий опыт политического развития показал, что надежды оппозиции на помощь Запада были сильно преувеличены. Не скрывая своей поддержки политических инициатив оппозиции по демократизации страны, США и ЕС заботились о сохранении постоянного конструктивного диалога с руководством Камбоджи для решения практических вопросов двухсторонних отношений.

В 2010–е гг. руководство страны сумело заметно уменьшить зависимость Камбоджи от экономической и гуманитарной помощи Запада благодаря существенно расширившемуся экономическому сотрудничеству с Пекином, которое не было обременено какими-либо политическими условиями. Впоследствии данный факт серьезно повлиял на политическую ситуацию в Камбодже.

Взаимоотношения оппозиционных партий и правящего режима, как и прежде, развивались в конфронтационном духе. Так как Хун Сен вовсе не желал в тот период времени подрывать конструктивный характер своих отношений с западными партнерами и посягать на классический набор демократических институтов, неотъемлемой частью которого являются оппозиционные партии, то свою задачу власти видели в том, чтобы не запрещать деятельность оппозиции, а контролировать ее. В случае невозможности установления такого контроля правящий режим пытался дискредитировать оппозиционные партии в глазах общественности, представив их маргиналами и аутсайдерами. В этот период в условиях существенного снижения прямого политического насилия, значительно возросло число политически мотивированных судебных преследований наиболее видных оппозиционеров.

В 2004–2013 гг. в стране произошли важные перемены в социально-экономической сфере, которые создали благоприятные предпосылки для увеличения оппозиционного сегмента общества. К ним следует отнести:

специфику демографической ситуации – наличие высокого процента молодежи (65% в возрасте до 30 лет) в составе населения, ускоренные темпы процесса урбанизации, возрастание миграционных потоков, как внешних, так и внутренних, развитие системы среднего и высшего образования, рост мелкого и среднего бизнеса.

К устойчивым успехам демократизации в этот период можно отнести сохранение относительно свободной прессы, возрастание роли социальных сетей как площадки для политических дискуссий, рост профсоюзного движения, активизацию протестных движений в сельской местности, зарождение молодежного волонтерского движения, деятельность многочисленных неправительственных организаций.

Третий этап начался сразу после выборов 2013 г. Он характеризуется рецессией процесса демократизации и возвращением

страны к 2018 г. на авторитарные позиции. Длительность «отката» будет во многом определяться результатами выборов 2018 г.

Пятые по счету выборы в парламент, состоявшиеся в 2013 г., принесли неожиданные результаты. Они показали, что Партия национального спасения Камбоджи за короткий срок превратилась в серьезнейшего политического конкурента НПК. Так, за правящую партию проголосовало лишь на 4,1% больше избирателей, чем за оппозицию. НПК потеряла 17,7% мест в парламенте, сохранив за собой незначительный перевес в 13 депутатских мандатов. Выборы продемонстрировали, что в обществе появился запрос на смену лидера, что «традиционалистская» составляющая в имидже правящей партии, во многом рассчитанная на старшее и среднее поколения, уже исчерпала свой ресурс. В молодежной среде, которая составляет 2/3 избирателей, она приобрела негативные коннотации как показатель архаичности власти. Последовавшие за выборами массовые протестные движения продемонстрировали мощный заряд гражданской активности различных слоев камбоджийского населения, их способность к быстрой самоорганизации, сплоченности и координированным коллективным действиям, что явилось полной неожиданностью для правящего режима.

Успех оппозиционной партии на выборах привел к резкой поляризации политического пространства страны. Возникла трудно-разрешимая дилемма – вдохновленная ростом избирательской поддержки ПНСК утвердилась в своем намерении прийти к власти через победу на парламентских выборах 2018 г., а правящая НПК сохраняла решимость ни при каких обстоятельствах власть не отдавать. Оппозиция все активнее мобилизовывала своих сторонников через политический диалог в социальных сетях, организацию протестных движений, а также обнародование подготовленных партией программ экономического развития страны с хорошо разработанной социальной составляющей. Правящая партия пыталась сохранить свое влияние среди электората путем удержания контроля над СМИ, широкомасштабного решения социальных проблем, укрепления силовых структур, а также принятием жестких мер в отношении оппозиции. Последнее нашло выражение в судебном преследовании лидеров ПНСК и активистов национальных неправительственных организаций. Правящая партия резко усилила уровень агрессивной риторики и запугивания населения угрозой «цветной революции» с последующим за этим развязываем гражданской войны. В феврале 2018 г. правительством была выпущена

специальная брошюра, подлежащая распространению во всех структурах государственной власти, посвященная «ужасающим последствиям цветных революций»¹¹.

Несмотря на серьезное ухудшение политического климата в стране в 2015 – 2017 гг., на которое регулярно указывали представители ООН, США и ЕС, выборы в местные органы власти в июне 2017 г. прошли в спокойной обстановке. В ходе предвыборной кампании всем участникам избирательного процесса была предоставлена полная свобода в осуществлении различных форм агитации. Сами выборы были признаны международными наблюдателями свободными, честными и легитимными. Итоги избирательных баталий еще раз подтвердили обозначившийся в 2013 г. глубокий раскол общества. Разница в голосах избирателей составила всего 7% в пользу правящей партии, в то время как на выборах 2012 г. она достигала 32%. Победа на выборах дала возможность НПК «сохранить лицо», но продемонстрировала реальную шаткость ее позиций в электоральной конкуренции с оппозицией.

Это подтолкнуло Хун Сена к более решительным действиям, он пошел ва-банк, желая избежать любых рисков в ходе электоральных баталий. Лучшим способом самосохранения правящая элита сочла полное удаление потенциальных конкурентов с политического поля страны еще за полгода до парламентских выборов. В сентябре 2017 г. по сфальсифицированному обвинению в попытке осуществить в 2013 г. «цветную революцию» и свергнуть законное правительство был арестован председатель ПНСК Кем Сохка. В ноябре 2017 г. по тому же обвинению Верховным судом была распущена Партия национального спасения Камбоджи, а 118 членов исполнительного комитета партии отстранены на пять лет от политической деятельности. В результате большая часть руководящего состава распущенной партии была вынуждена в экстренном порядке выехать из страны, чтобы избежать арестов. Своими действиями правящая элита предельно жестко обозначила позицию – любая политическая партия, претендующая на власть в Камбодже, будет рассматриваться как «враждебная интересам камбоджийского народа, посягающая на мир и стабильность в стране», а, следовательно, требующая решительных действий против нее со стороны НПК.

44 из 55 принадлежавших ПНСК депутатских мандатов в Национальном собрании были распределены между 3 мелкими партиями, участвовавшими в парламентских выборах 2013 г., и полу-

чившими в совокупности менее 5% голосов избирателей. 41 депутатское место получила ФУНСИНПЕК, два места Камбоджийская национальная партия и одно – Кхмерская партия экономического развития. 11 мест присоединила к себе НПК, доведя численность своих представителей почти до 2/3 депутатского корпуса. Во всех публичных выступлениях представителя власти убеждают граждан в том, что роспуск ПНСК – это еще один шаг по дальнейшей демократизации, так как в парламенте отныне заседают не две, а четыре партии. Однако совершенно очевидно, что все эти политические махинации закрепили монополию НПК не только в парламенте, но и на политической арене страны в целом. ФУНСИНПЕК, ставшая второй по числу депутатских мандатов, представляет собой крайне слабую политическую структуру, не пользующуюся доверием и уважением среди населения. По признанию самого лидера партии принца Ранарита, у ФУНСИНПЕК «ничего нет, ни финансовой базы, ни людского ресурса»¹². В условиях острейшего кадрового голода, который испытывает ФУНСИНПЕК, чтобы заполнить все причитающиеся ей места, партия была вынуждена реанимировать своих функционеров из прошлого, часто с изрядно «подмоченной» репутацией. Так, заместителем председателя Национального собрания от ФУНСИНПЕК стал Йоу Хокри, смещенный в 2002 г. с поста министра внутренних дел за nepотизм, коррупцию и причастность к наркотрафику. Депутатами стали Нут Сокхом, ранее обвиненный в нецелевом использовании средств Национального Фонда по борьбе с ВИЧ, а также Сак Хак – бывший губернатор Сиануквилля, отстраненный от должности за причастность к аферам с земельными участками¹³. Около десятка из нынешних депутатов, исключенных из состава ФУНСИНПЕК за различные злоупотребления еще в начале 2000-х годов, были в срочном порядке восстановлены в членстве накануне «дележа» мест в парламенте. Да и сам председатель партии принц Ранарит давно уже растерял доверие избирателей, так как последнее десятилетие безоговорочно поддерживает все политические инициативы Хун Сена, направленные на выдавливание оппозиции из легального политического пространства. Именно ФУНСИНПЕК стала публичным рупором Хун Сена, озвучившим требование по роспуску ПНСК, как организации, деятельность которой угрожает «национальной безопасности».

Таким образом, к началу 2018 г. произошел сдвиг от доминирования НПК в политическом пространстве страны к его полной монополизации. События 2017–2018 гг. очень напоминают ситуа-

цию 1997 г., когда НПК, прибегнув к военной силе, сумела расправиться с ФУНСИНПЕК и расчистить себе путь к победе на парламентских выборах 1998 г. Однако даже в тот период политическое поле страны сохраняло намного большее разнообразие с точки зрения действовавших партийных структур и авторитетных оппозиционных политиков.

Чтобы не возникало недовольство безальтернативностью лидерства Хун Сена внутри самой НПК, премьер постоянно подпитывает лояльность элит через раздачу очередных «вознаграждений и льгот». Хун Сен постоянно повышает статус представителей партийной элиты, кооптируя их в состав Центрального комитета партии. Так, в 2017 г. в состав ЦК было введено 306 новых членов, в 2018 г. еще столько же. В результате, численность ЦК НПК составила свыше 800 человек¹⁴. В последние два года наблюдалось неуклонное расширение рядов армейской элиты. В 2017 г. около 1 тыс. высших офицеров камбоджийской армии получили звания генералов. Таким образом, численность генералитета превысила 3 тыс. человек¹⁵. Подобная практика, не имеющая ничего общего с нормами и порядком функционирования демократических структур, вполне совместима с механизмом патронажа, благодаря которому, Хун Сену пока удается вполне успешно регулировать и сохранять стабильность и лояльность политического истеблишмента страны.

Премьер-министр постоянно увеличивает число «глаз и ушей», которые должны вовремя выявить и нейтрализовать потенциальные угрозы для власти. Этой цели, в частности, служит образованный в декабре 2017 г. Совет по национальной безопасности, в состав которого вошли четыре близких родственника Хун Сена¹⁶.

Если на предыдущих этапах демократизации в Камбодже в целом сохранялась достаточно благополучная ситуация со свободой прессы, то 2017 г. был отмечен широкомасштабной кампанией по закрытию либеральных СМИ, которая затронула более 20 радиостанций, в том числе Голос Америки и Радио Свободная Азия, а также выходившую с 1993 г. влиятельную газету – The Cambodia Daily. В результате, по международным рейтингам впервые с 1993 г. Камбоджа была отнесена к категории стран с несвободной прессой. Из страны без каких-либо мотивированных объяснений были выдворены международные неправительственные организации, занимавшиеся проведением различных социологических опросов среди населения. На дальнейшее свертывание свободы слова было

направлено принятие парламентом поправки конституции о положении *leze majeste*, на основании которого отныне вводится уголовное преследование за публичные высказывания в адрес короля, что значительно затруднит в будущем возможность открытого обсуждения вопросов, связанных с институтом королевской власти в стране.

На усиление авторитарных тенденций в Камбодже жестче обычного отреагировали западные страны. США и Германия ввели визовые санкции для Хун Сена, его семьи, представителей армейских и судебных структур, причастных к роспуску оппозиционной партии. Германия, к тому же, отменила рабочий визит в ФРГ заместителя премьер-министра, министра внутренних дел Со Кхенга – человека номер два в политической иерархии Камбоджи. Однако едва ли данные меры возымеют какое-либо позитивное действие на властные структуры в условиях, когда Китай неоднократно открыто заявлял о безусловной поддержке политического курса Хун Сена.

Таким образом, в 2017–2018 гг. наблюдалось самое масштабное свертывание демократических процессов в Камбодже за весь 25-летний период. Действия правящей элиты, направленные на монополизацию власти и устранение потенциальных для нее политических угроз, определяются повесткой текущего политического момента – июльскими выборами в парламент. Хотя в Камбодже пока не сложились политические механизмы, которые могли бы препятствовать отходу от демократических принципов, однако чрезмерное закручивание гаек в стране, где уже сформировались ростки гражданского общества, всегда опасно в долгосрочной перспективе. В настоящее время на содержание политических процессов в Камбодже влияют многие социально-экономические факторы, которые объективно благоприятствуют закреплению в обществе норм политического плюрализма. К их числу следует, в частности, отнести: существенные изменения основ экономической жизни, значительное улучшение инфраструктуры, позволяющее населению свободно мигрировать по стране, возрастание внешних миграционных потоков, изменение и усложнение социальной структуры общества, появление в ней новых социальных групп, усиление вертикальной и горизонтальной мобильности, рост имущественного неравенства, ускорение процесса урбанизации и др. Все эти процессы, постепенно модифицируя мировоззренческие, оценочные и поведенческие ориентиры населения, будут все больше затруднять насаждение сверху политического догматического единообразия.

- ¹ Подробнее об избирательных процессах в Камбодже см.: Бектимирова Н.Н., Липилина И.Н., Симония А.А. Избирательные системы и электоральные процессы в странах Индокитая на современном этапе. М., 2016.
- ² Самый масштабный всплеск насилия пришелся на июль 1997 г., когда произошли вооруженные столкновения между НПК и ФУНСИНПЕК. Подробнее см.: Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А. Альтернативные пути демократизации на примере Камбоджи и Таиланда. М., 2009.
- ³ Survey of Cambodian Public Opinion. IRI, July 12- August 6, 2010. P.11-12; November 30- December 25, 2011. P. 10-11; Пном Пень Пост (на кхмерском языке). 15.05.2012.
- ⁴ Hun Sen. Selected Comments during the Inauguration of the NR 214 and the Launch of the construction of the Cambodian-Chinese Friendship Bridge over Mekong River at Steong Treng Province. 05.05.2012. www.cnv.org.kh
- ⁵ Пном Пень Пост (на кхмерском языке) 03.10.2012.
- ⁶ The Phnom Penh Post 05.11.2012; 21.11.2012.
- ⁷ www.ASEAN-CN.ORG
- ⁸ По мнению авторов «Индекса демократии» начало спада третьей волны демократизации можно отнести к 2006 г.
- ⁹ См.: Craig D.& Pak Kimchoueun. Learning from party financing of local investment projects in Cambodia: Elite and mass patronage, accountability and decentralized governance. A discussion paper. 2009.
- ¹⁰ Подробнее см.: Бектимирова Н.Н. Механизмы партийной мобилизации в современной Камбодже.//Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. История и современность. М., 2015.
- ¹¹ www.cnv.org.jh
- ¹² The Phnom Penh Post. 26.12.2016.
- ¹³ Ibid., 01.12.2017.
- ¹⁴ Ibid., 22.01.2018.
- ¹⁵ Ibid., 27.04.2017.
- ¹⁶ Ibid., 06.12.2017.